

Н.В. Комлева

(Вологда)

О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВОЛОГОДСКИХ ФАМИЛИЙ*

Учитывая социальный характер русских фамилий, С.И. Зинин выделил пять периодов в истории их образования, характерных для центральной части России: 1) в XIV – XVI вв. появляются княжеские и боярские фамилии; 2) в XVI – XVII вв. – дворянские и купеческие; 3) в XVII – XVIII вв. – фамильные прозвания в среде городских мещан и зажиточных крестьян; 4) в XVIII – XIX вв. – в среде русского духовенства; 5) в XIX в. – фамилии у оставшейся части крестьянства, слуг и солдат [Зинин 1969:229]. В работах других исследователей его периодизация неоднократно подвергалась значительной корректировке с учетом узколокальных особенностей процесса образования русских фамилий. Разноречивые мнения высказывались относительно времени формирования фамилий го-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 07-04-00125а).

родского населения, но особенно по поводу крестьянских фамилий. Совершенно очевидно, что процесс образования русских фамилий носил разновременный характер не только применительно к различным сословиям, но и в отношении различных регионов Российского государства.

Определяющую роль в образовании фамилий того или иного сословия в конкретное историческое время играет такой экстралингвистический фактор, как социально-экономические особенности развития изучаемого региона.

В XVI – начале XVII вв. Вологодский край – один из наиболее развитых в экономическом отношении районов и играет значительную роль в жизни страны. Сухоно-Двинской водный путь является важнейшей торговой артерией страны, проходит он из Архангельска в Москву через Устюг, Тотьму и Вологду. Вологда служит перевалочным пунктом всех грузопотоков, местопребыванием многих европейских и русских торговых фирм. Кроме того, реки Вологда и Тошня являлись путями для «внутреннего», земледельческого освоения региона.

Ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что к середине XVII века повсеместно сформировались дворянские фамилии, т.к. к этому времени «дворянство господствовало уже экономически и политически» [Никонов 1974:168]. В вологодских деловых документах второй половины XVII в. 83 % именованний людей *высшего служилого сословия* построены по трехкомпонентной модели, включающей в свой состав уже сформировавшиеся фамилии.

В начале XVII века служилые люди щедро наделялись вотчинами и поместьями за «верную службу». Среди землевладельцев Вологодского уезда – князья, стольники, думные советники, окольныхчи и другие представители верхнего слоя феодалов. По писцовой книге Заозерской половины Вологодского уезда 1627-1630 гг. только за помещиками Плещеевыми – Леонтей Степановъ сынъ *Плещеевъ* (ПОВу, 1630, № 1, 3) – в

разных волостях числилось около 2 тыс. крестьян и бобылей обоего пола [Крестьянство Европейского Севера... 1984:175]. За стольниками Иваном и Василием Бутурлиными – Иванъ *Бутурлин* (ПОВу, 1630, № 1, 170), Василей Кирилов сынъ *Бутурлин* да сынъ ево Степан (Пам., 1625, С-1, № 9, 158); а также за братьями Головиными – Иванъ Никитинъ сынъ *Головин* (ПОВу, 1630, № 7, 175) – было около 3 тыс. крестьян обоего пола.

Среди вотчинников и помещиков упоминаемые в документах князя Б.И. Бабичев, И.П. Вадбальский, Ю.Г. Вяземский, Д.Г. Гагарин, П.Н. Звенигородский, И.И. Лобанов-Ростовский, князя Мосальские, Черкасские, Мезенские, Ухтомские, Хилковы и др.

Многие ученые приходят к выводу о более раннем становлении фамилий у северных крестьян и горожан, чем во всей средней полосе России: см. работы В.А. Никонова [1974], Ю.И. Чайкиной [1982], С.Н. Смольникова [2000] и др.

Ю.И. Чайкина на основе изучения топонимии и антропонимии Устюжского и Тотемского уездов по материалам деловой письменности XVII – XVIII вв. пришла к выводу о том, что ареал трехкомпонентных фамильных именованний *крестьян* охватывает в XVII – XVIII вв. территорию, расположенную по течению Северной Двины: Устюжский, Двинской, Усольский уезды, а также Устьяновские волости [Чайкина 1982: 53]. Тотемские памятники, напротив, свидетельствуют о том, что «только в редких случаях фамильные именованья крестьян в XVII в. передавались от поколения к поколению» [Чайкина 1982: 52].

С.Н. Смольников, изучая фамилии устюжан в памятниках деловой письменности XVII века, установил, что «в документах далеко не всегда, но достаточно часто в именованьях представителей трех поколений одной семьи можно обнаружить устойчивые фамилии» [Смольников 2000: 276]. Кроме

того, процесс закрепления фамилии в качестве самостоятельного компонента в официальном именовании на территории Верхнего Подвинья имел свою специфику: «Сравнение именований горожан и крестьян показывает, что крестьяне в это время более последовательно называются фамилией, нежели горожане» [Смольников 2000: 285].

Вологодский уезд является самым северным из районов России, где преобладало поместьно-вотчинное землевладение. Далее к северу располагались уезды, населенные в основном государственными крестьянами, тогда как фактически все черные волости Вологодского уезда (кроме него, еще Устюжно-Железопольского и Белозерского) к 30-м годам XVII века были поглощены помещичьими и монастырскими владениями [Данилова 1984:162]. Ср. данные, приводимые П.А. Колесниковым, по соотношению различных категорий земель и крестьян (по данным дворового числа в %) за первую половину XVII века: Вологодский уезд в 1628-30 гг. имеет 19,9 % монастырских и церковных земель, 80,1 % – частновладельческих, черносошные земли отсутствуют; соседний Тотемский уезд в 1623-25 гг. составляют 96,0 % черносошных земель и 4,0 % монастырских, отсутствуют частные владения. Черносошные земли преобладают также в Устюжском и Сольвычегодском уездах, Устьянские волости на период 1645 года полностью охвачены черносошным землевладением [Колесников 1976: 41].

В Вологодском уезде на 1678 год проживало 122, 8 тыс. крестьян мужского пола, из них помещичьих крестьян – 95,5 тыс.; крестьян, принадлежащих духовенству – 26,4 тыс.; дворцовых – 0,9 тыс.; государственные крестьяне отсутствуют [Водарский 1977: 173].

Крестьяне Вологодского уезда обрабатывали полные наделы и платили с них полные оклады поземельного тягла. Фамильные прозвания у вологодских крепостных крестьян

встречаются крайне редко в документах конца XVI – XVII вв. Появление официального статуса у крестьянских фамильных прозваний наблюдается в документах частно-делового характера. В этом случае именование крестьянина употребляется без упоминания имени помещика, его владельца, и поэтому для точной идентификации личности человека становится необходимым использование антропонимических средств, имеющих большую различительную силу, нежели личное имя и отчество: Ивашко Поликарпов с. *Ключарев* (Пам., 1629, ГАВО, ф. 1260; оп. 10; № 50); Осташко Ивановъ с. *Чебунинь* (Челоб., 1629, С-1, № 18, 270).

Ср. именованія крестьян в переписной книге Устюжского уезда второй половины XVII в., где последовательно фиксируется третий компонент модели именованія: «Дер. Заозерье на рѣчкѣ Уфтыогѣ, а въ ней крестьянъ: во дв. Матюшко Лукьяновъ *Трапезниковъ*, у него половникъ Амелка Степановъ *Корняковъ*» (ПКУу, 1676 – 83, л. 665); «Дер. Сысоевская на рѣчкѣ Ракулькѣ: во дв. Титко, Стенка, Ивашко Савельевы *Трапезниковыхъ*, у нихъ подворникъ Лазарко Ивановъ *Калининыхъ*» (ПКУу, 1677, л. 317).

В Кубенской трети Вологодского уезда располагались крупные архиерейские вотчины Досифея епископа Ростовского и Ярославского, Павла епископа Вологодского и Белозерского. После них шли владения монастырей: Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского, Спасо-Прилуцкого, Спасо-Каменного, Корнильево-Комельского, Сямского, Песошного.

Спасо-Прилуцкий монастырь уже в XVI веке становится одним из самых богатых и известных монастырей на Севере России. Ему принадлежали 12 вотчин в Вологодском и Московском уездах, кроме того, монастырь имел соляные варницы, мукомольные мельницы, рыбные ловли и монастырские подворья в Вологде и Москве [Соколов 1977: 39].

В вотчине Спасо-Прилуцкого монастыря в XVII веке было две категории тяглого населения – крестьяне и пашенные бобыли. Кроме них монастырскую пашню обрабатывали *монастырские детеныши* – монастырские работники, нанятые под поручительство и получавшие обычно годовичную заработную плату. Зависимость «детеныша» от монастыря прекращалась по выполнении срочного обязательства, если «детеныш» уходил из монастыря до срока, то тогда он или его поручитель должны были выплатить монастырю известную сумму денег [Греков 1954: 54].

В моделях именования монастырских детенышей как менее закрепощенной части крестьянства нередко встречаются фамильные прозвания, ср.: «бежали детеныши крестьянские дѣти живущие в монастыре поблизости и работающие найму казенного ... Аничка Григорьев сынъ Зиновьевской *мухнѣ*, Ивашко Федоровъ с. Прозвание *раковъ*» (КПВу, I, 1678, 396).

Крепостные крестьяне длительное время находились в значительно более тяжелых условиях жизни и труда, нежели крестьяне свободные. Между тем историки утверждают, что «общественное сознание черносошного крестьянства оказало заметное воздействие на проживающих в регионе монастырских, дворцовых и частновладельческих крестьян» [Камкин 1987: 47]. Изучение антропонимической системы двух противопоставленных друг другу крестьянских миров с опорой на экстралингвистические факторы ее развития могло бы стать немаловажным этапом на пути к познанию менталитета русского крестьянства в целом.

В науке существуют разные мнения по поводу того, в какой период возникают фамилии *городского населения* Русского государства. В.К. Чичагов считал, что процесс образования фамилий закончился к началу XVIII в. [Чичагов 1959:124]. С.И. Зинин пришел к выводу о том, что основная масса населения, проживавшего в городе, в XVIII в. еще не имела фами-

лий и писалась по имени и отчеству [Зинин 1969:80]. В.А. Никонов допускал возможность возникновения фамилий горожан в быту, которые, «не признаваемые официально, ... сменялись и исчезали также стихийно, как и возникали», в связи с этим документы представляют собой «пеструю» картину, в них «можно встретить фамилии у горожан в XVII в. и бесфамильных горожан в середине XIX в.» [Никонов 1974:170].

С середины XVI и до конца XVIII века город Вологда располагался по обоим берегам реки Вологды на протяжении пяти километров. Он состоял из кремля и трех посадов: Верхнего, Нижнего и Заречного. К городу примыкали дворцовые села: Фрязиново (принадлежавшее великим московским боярам Борису и Глебу Ивановичам Морозовым), Турундаево (принадлежавшее московскому боярину Василию Ивановичу Стрешневу), Кобыдино, Сорочнево.

Численность населения г. Вологды по переписи 1678 г. равнялась 4102 человекам [Водарский 1970: 257].

Основную массу городского населения составляли *посадские тяглые люди*, т.е. люди, несущие тягло (платящие различные налоги).

По данным вологодских памятников деловой письменности именованья горожан, построенные по трехкомпонентной модели, в первой половине XVII в. составляли 5,92 % от всех других отмеченных моделей именованья, во второй половине XVII в. их доля равнялась уже 39,58 %. Кроме того, многие двучленные модели именованья включают в себя фамильные прозвания, ср.: Корнилко *Сверчков* (ПКВ, 1629, 26) и Корнилко Офонасьев с. *Сверчков* (ПКВ, 1629, 107); Микитка *Тушин* (ДКВ, 1616-1617, 362) и Микитка Семеновъ с. *Тушин* (ПКВ, 1629, 176).

Некоторые фамильные прозвания вологжан фиксируются на страницах писцовых и переписных книг с начала XVII и до первой половины XVIII в. Учитывая, что «могут считаться род-

ственниками люди, жившие в XVII и начале XVIII вв. в одном районе города и имевшие одинаковый последний компонент именованья» [Попова 2002:122], приведем несколько примеров фамильных прозваний вологжан, отмеченных переписчиками в первой половине XVII в., во второй половине XVII в. и в начале XVIII в.:

Ул. Богородская: Гришка *Бобошин* (ПКВ, 1629, 173) – Ивашка Федоровъ с. *Бобошинъ* (КПВ, 1678, 168) – Иван Семёнов *Бобошин* (ПКВ, 1711, 133 об.-134)*.

Заречье: Ивашка *Козулин* (ПКВ, 1629, 183) – Якушко Федоровъ с. *Козулинъ* (КПВ, 1678, 259) – Иван и Борис Яковлевы дети *Козулины* (ПКВ, 1711, 162); Пятунка *Плюгин* (ПКВ, 1629, 178) – Ивашко Панфиловъ с. *Плюгинъ* (КПВ, 1678, 225) – Андрей Гаврилов *Плюгин* (ПКВ, 1711, 169).

Верхний Дол: Петрушка *Тебенков* (ПКВ, 1629, 175) – Серешка Фалеевъ с. *Тебенковъ* (КПВ, 1678, 181) – Елфим Алексеев *Тебенков* (ПКВ, 1711, 142 об.).

Вологодские посадские люди по своему имущественному положению в терминологии того времени подразделялись на *лучших*, *средних*, *молодых* и *худых* людей, а также на *бобылей* и *нищих*. Ср.: в. Пятой Самойлов, лутчий (ДКВ, 1616-1617, 345); в. Будаико Иванов, молотчеи (ДКВ, 1616-1617, 337); Д. пусть Михалка Мосеева въ дл. 8 с., ... Михалко ходить по міру (ПКВ, 1629, 108); М. дворовое пусто нищево старца Тихонка Микитина (ПКВ, 1629, 170); Д. бобыля Ларки иконника Кривошеи ... (ПКВ, 1629, 157). Фамильные прозвания чаще отмечаются в моделях именованья *лучших* и *средних*

* Данные по переписной книге г. Вологды XVIII в. (Книга переписная г. Вологды переписи и меры И. Шестакова и В. Пикина 1711 года // ГАВО, ф. 652, оп. 1, № 37) приводятся из диссертации И.Н. Поповой [2002].

жителей посада, ср.: «Д. лутчих посацких людей Мишки да Алешки Ивановых детей *Лупариных*» (КПВ, 1678, 174).

Средствами жизни у посадских людей были ремесло и мелкая торговля. Город славился своими мастерами, кузнецами, плотниками, каменщиками, иконописцами. Профессии передавались из поколения в поколение, появлялись потомственные мастера, ремесленники. На страницах Писцовой книги Вологды 1629 года и Переписной книги 1678 года содержится множество указаний на род занятий посадских людей. Ср.: Д. тяглой *сапожника* Терешки Семенова сына Быструни, да *пирожника* Нестерка Гаврилова, да *масленика* Гришки Ерохова ... (ПКВ, 1629, 177); Д. тяглой *рыбниковъ* Якушки да Тренки Федоровыхъ дѣтей Воробьевыхъ (ПКВ, 1629, 182); Д. вологодского *каменщика* Андрюшки Аверкиева сына Бабушкина (КПВ, 1678, 97 об.) и др.

В XVII в. в Вологде идет сложный процесс становления профессионально-должностных фамилий, функционировавших в среде ремесленников и торговцев: Захарко Васильевъ с. *прядильщикъ* (ПКВ, 1629, 114) и Куземка Потаповъ с. *Прядильщиков* (ПКВ, 1629, 183); Патрекейка *квасник*, бобыль (ПКВ, 1629, 107) и Захарко Патрекѣевъ с. *Квасников* (КПВ, 1678, 287).

Первую категорию посадских людей составляли *купцы*: гости и члены гостиной и суконной сотен. *Гостями* назывались крупные оптовые торговцы, ведущие дела с другими городами и даже с другими странами. Отмечается, что у купцов фамилии начали возникать еще в XVI в., но только у крупнейших (Строгановы) [Никонов 1974:169].

В Вологде XVII в. купеческое сословие было достаточно многочисленным. Писцовая и переписная книги г. Вологды в большом количестве фиксируют дворы московских гостей и иностранцев. Ср.: «Отъ рѣчки Золотухи по берегу, внизъ рѣчки Вологды. Д. Московскихъ гостей Ивана да Василья Юдиныхъ

въ дл. 60 с., ...Д. Московскихъ гостей Меньшого да Семена да Бахтеяра Булгаковыхъ въ дл. 56 саж.» (ПКВ, 1629, 118); «Д. нѣмецкихъ гостей Марка Маркова сына Девогеларда да Юрья Иванова сына Клинкина» (ПКВ, 1629, 121); «Д. московского торгового иноземца Ивана Иванова сына Веднера» (КПВ, 1678, 58 об.); «Д. галанские земли иноземца Андрѣя Микулаева сына Петелѣса» (КПВ, 1678, 49 об.).

Немало купцов было и среди коренных вологжан.

Гаврила Мартынович *Фетиев* – «Гаврилко Мартьяновъ сын *Фетиевъ*» (КПВ, 1678, 57), носивший звание «торгового гостя», был одним из самых богатых горожан и вел обширную торговлю со странами запада и востока. О величине состояния Фетиева можно судить по описи имущества в его завещании: «кафтанъ подъ оберью осиновои...опушенъ собольи хвосты съ запанами червчатыя да алмазныя... шапка съ соболемъ вершокъ бархатный вишневый петли троинныя жемчужныя, ...шапка съ соболемъ вершокъ суконный дикогвоздичной петли двойныя жемчужныя съ городами» (Завещ. Фетиева 1684 – ГАВО, ф. 652, оп. 1, д. 88, л. 7 об.).

Кроме Фетиева, в Вологде были купцы рангом ниже – члены *гостиной* и *суконной* сотен, торговавшие кожей, салом, мехом, солью, железом.

Известны целые династии крупных вологодских купцов XVII века: Алачугины, Верещагины, Гладышевы, Белавинские, Глазуновы, Желвунцовы, Сычуговы и др. Ср.: Пол.-л. п. ч. Лазарка *Алачугина* (ПКВ, 1629, 38); Двѣ лавки п. ч. Лазарька *Алачугина*, по лицу въ сапожной рядъ 5 сажень съ третью (ПКВ, 1629, 35); Гаврилко Исаковъ с. *Алачугин*, кожевникъ (ПКВ, 1629, 178); Д. гостиной сотни Микифора Константинова сына *Парвеньева* (КПВ, 1678, 280 об.).

В Вологодском уезде достаточно рано стала развиваться рыночная торговля и сформировалась прослойка людей, профессионально занимающихся торговлей. Данные по первой

четверти XVII века свидетельствуют о развитой крестьянской торговле и заметном дворовладении в городе. Под торговыми или торгующими крестьянами в законодательных памятниках XVI-XVII вв. подразумевались крестьяне, торговля для которых являлась главным занятием и источником дохода [Гуслистова 2009:159]. В основном торговые крестьяне покупали соль, причем крупными партиями, по всей видимости, для дальнейшей засолки рыбы. Также крестьяне торговали салом, прутовым железом, пенькой, зерном. Наиболее зажиточные крестьяне – братья Казаковы, Игнатий Белавинский, Дружина Григорьев, Петр Лихачев, Первой Михайлов: «Села Фрязинова Петр Лихачев явил на 2 санех ... 5 клубов светилен» (ТКВ 1633-1634, 380); «Села Бруснишново Первой Михайлов явил в проезд 6 бочек питья ренсково» (ТКВ 1634-1635, 614).

Большинство лиц купеческого сословия, зафиксированные в вологодских писцовых документах, имеют сформировавшиеся фамильные прозвания. Таким образом, определяющим для процесса закрепления фамилий в официальном именовании, является такой экстралингвистический фактор, как степень юридической самостоятельности именуемого.

И.А. Королева высказала предположение об изначальном существовании антропонимов, выполняющих функции фамилий: «Бытовали неофициальные фамилии, которые не имели обязательной наследственной передачи, не всегда строго оформлялись грамматически, но тем не менее выполняли фамильные функции» [Королева 2000:19].

О возможности существования семейных, а быть может, и наследственных «неофициальных фамилий» в живой речи Белозерья в конце XVII – начале XVIII вв. говорит и Т.В. Бахвалова, ссылаясь на памятники неофициальной письменности (отписные книги личного имущества), для которых типичны именованья типа: Давыдко Дмитриевъ прозвище *Киселевъ*, Назарко Павлов прозвище *Молочковы* [Бахвалова 1970:161].

Действительно, велика вероятность существования в «неофициальном» антропонимиконе крестьян или посадских людей антропонимов, по своей функции приближающихся к фамильным прозваниям. Но говорить о процессе формирования официальной антропонимической категории *фамильное прозвание* или *фамилия* можно только с опорой на письменные документы делового стиля.

Литература

Бахвалова Т.В. К вопросу о происхождении фамилий в Белозерье (Личные имена крестьян в памятниках письменности во второй половине XVII – начале XVIII вв.) // Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности. Материалы к межвузовской научной конференции. Краткое содержание докладов. – Череповец, 1970. – С. 157 – 162.

Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение). – М.: Наука, 1977. – 265 с.

Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. – Кн. 2. – М., 1954. – 468 с.

Гуслистова А. Купечество Вологодского уезда в XVII-XIX веках // Мой родной Вологодский район. К 80-летию Вологодского муниципального района Вологодской области. Сб. / Вологда: 2009. – С. 158-165.

Данилова Л.В., Е.И. Индова, П.А. Колесников и др. История северного крестьянства: в 4-х т. Т. 1. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. – Архангельск, 1984. – 432 с.

Зинин С.И. Русская анторпонимия XVII – XVIII веков (на материале переписных книг городов). – Ташкент. – Дис. канд. филол. наук, 1969.

Камкин А.В. Эволюция общественного сознания северного крестьянства в позднефеодальную эпоху: итоги и перспекти-

вы исследования // Октябрь и северное крестьянство: Агро-промышленный комплекс на современном этапе; Европейский Север как памятник отечественной и мировой культуры / Тез. докл. и сообщ. к научно-практич. конф. – Вологда, 16 – 17 октября 1987 г. – Вологда, 1987. – С. 46 – 49.

Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века: К вопросу об эволюции аграрных отношений в русском государстве. – Вологда, 1976. – 416 с.

Королева И.А. Становление русской антропонимической системы // Автореф. дис. докт. филол. наук. – М., 2000.

Никонов В.А. Имя и общество. – М., 1974. – 278 с.

Попова И.Н. Переписная книга Вологды 1711 года как жанр и лингвистический источник. – Дис. канд. филол. наук. – Вологда, 2002. – 19 с.

Смольников С.Н. Фамилии устюжан в памятниках местной деловой письменности XVII века // Великий Устюг: Краеведч. альманах. – Вып. 2. – Вологда, 2000. – С. 271 – 292.

Соколов В. Вологда: История возникновения, застройки и благоустройства. – Архангельск, 1977. – 159 с. Соколов 1977 : 39

Чайкина Ю.И. Из истории топонимии и антропонимии Устюжского и Тотемского уездов (по материалам деловой письменности XVII – XVIII вв.) // Вопросы ономастики: Межвуз. сб. научн. трудов. – Свердловск, 1982. – С. 48 – 56.

Чичагов В.К. Из истории русских имён, отчеств и фамилий (Вопросы русской исторической ономастики XV – XVII вв.). – М., 1959. – 128 с.

Сокращения

ГАВО – Государственный архив Вологодской области

ДКВ – Дозорная книга Вологды князя П.Б. Волконского и подьячего А. Софонова. 1616-1617 г. (Публикация Ю.С. Ва-

сильева) // Вологда: Историко-краеведческий альманах.- Вып. I. – Вологда: Русь, 1994.

КПВ, 1678 – Книга переписная г. Вологды 1678 года стольника Петра Голохвастова и подьячего Ивана Саблина. – РГАДА, ф. 1209, ед. хр. 14741.

КПВу, I – Книга переписная Вологодского уезда 1678 года стольника Петра Голохвастова и подьячего Ивана Саблина Заозерские половины поместные. – РГАДА, ф. 1209, ед. хр. 14733 (Кн. I), 14740 (кн. VIII), 14734 (кн. II), 14735 (кн. III).

Пам. – память

ПКВ 1629 – Список с писцовой книги г. Вологды 1629 года // Источники по истории Вологды. – Вып. I. – Вологда, 1904.

ПКУу, 1676 – 83, л. 665 – Переписная книга Устюжского уезда 1677-78 гг. – РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 15047.

ПМКВУ – Писцовая и межевая книга князя Осипа Федоровича Борятинского 1686 года. – РГАДА, ф. 1209, ед. хр. К 14743, л. 1 – 259.

ПОВу – Писцовое описание Вологодского уезда 1630 года // Сторожев В.Н. Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке. – Вып. II. – Петроградъ, 1918.

С-I – Сторожев В.Н. Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке. – Вып. I, – С-Петербург, 1906.

САСК(К) – Колычев А.А. Сборник актов Северного края XVII в. – Вологда, 1927.

ТКВ – Таможенная книга Вологды 1634-1635 гг. – М., 1983.

Челоб. – Челобитная.